

²¹ Кулиева М. В. Кивитка на яйлагах полукочевых тюрок Казахского уезда. — Изв. о-ва обследования и изучения Азербайджана, 1928, № 5, с. 172—179; Кобычев В. П. Жилище народов Восточного Закавказья в XIX в. — СЭ, 1957, № 3, с. 73.

Л. Ф. МОНОГАРОВА

*

АРХАИЧНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОХОРОННОГО ОБРЯДА ПАМИРСКИХ ТАДЖИКОВ (ритуальный танец)

За время многолетних экспедиций автора на Западный Памир (1947, 1948, 1953, 1964—1967, 1970, 1973—1980 гг.) собран большой интересный материал по семейной, в том числе похоронной обрядности памирских таджиков¹. Особый интерес представляет архаичный элемент похоронного обряда — ритуальный танец при проводах на «тот свет», которому посвящена данная статья.

Похоронный обряд у памирских таджиков, как и у других народов, отличается особой устойчивостью, сохранностью архаики. Для него характерно сосуществование мусульманской обрядности с пережитками древних верований, особенно культа предков. Похоронный обряд состоит из нескольких циклов, ритуальные действия которых, основанные на народных обычаях и религиозных предписаниях, следующие: 1) предшествующие смерти; 2) исполняемые во время проходов на «тот свет» (в момент наступившей смерти и до выноса покойника из дома, по пути погребальной процессии на кладбище, при погребении); 3) поминальные (в первые три дня после погребения и в обусловленное обычаями и религией время).

Ритуальный танец при проводах на «тот свет» как пережиток с той или иной степенью полноты бытует среди верующих у некоторых этнографических групп памирских таджиков (или, как называют их исследователи, припамирских народностей): язгулемцев, бартангцев, рушанцев, живущих в высокогорных, труднодоступных в прошлом долинах Западного Памира, административно входящего в Горно-Бадахшанскую Автономную Область (ГБАО) Таджикской ССР. Родные их языки лингвисты относят к юго-восточной ветви иранских языков². Верующие среди них — мусульмане-исмаилиты³. Распространение мусульманства у народностей верховьев Пянджа (Амударьи) началось в XI в., значительно позже, чем у таджиков других регионов, и это, видимо, обусловило сохранение в пережиточной форме многих обрядов, связанных с анимистическими верованиями, культом предков, а также и различных магических действий.

Одним из таких древних пережиточных элементов является и особый обрядовый танец при проходах на «тот свет», исполняемый во время ритуального оплакивания умершего. Первое упоминание в литературе о таком танце находим у капитана Ванновского, который в 1893 г., проведя рекогносцировку в Рушане, отметил странный, на его взгляд, обряд, когда «в день похорон мужа жена должна танцевать на его могиле до самозабвения»⁴. Это сообщение побудило исследователей более детально изучить весь комплекс погребальных и поминальных ритуальных действий памирских таджиков, для которых характерны и пение, и игра на музыкальных инструментах. Об этом ритуальном танце писали, кроме автора данной статьи, этнографы Н. А. Кисляков и М. С. Андреев, исследователи музыкального искусства памирских таджиков Ф. Кароматов и Н. Нурджанов⁵.

Мои наблюдения в Язгулеме (1947—1948 и 1953 гг.) и в Рушане (1964—1966, 1979—1980 гг.) свидетельствуют о том, что в указанное время ритуальный танец «попал», «маърака» (Язгулем), «паямоль» (Рушан) при оплакивании женой, матерью и сестрой умершего исполнялся уже не на кладбище, а в холодное время года — в доме (на полу между нарами), а в теплое время — на усадьбе (перед домом), реже — в границах кишлака. Женщины под аккомпанемент струнных музыкальных инструментов (рубаб и сетор) и бубна плавно кружились, вскидывая руки, плача и причитая, выражали свое горе. Музыканты в это время пели грустные песни, часто религиозного содержания. Как и у других памирских таджиков, наряду с народными траурными четверостишиями (рубои), иногда исполнялись и печальные рубои из произведений классической персидско-таджикской литературы.

Если среди присутствующих были женщины, обладавшие красивыми голосами и знавшие соответствующие песни, они также пели. Танцевавшие доводили себя до экстаза, разрывали на себе спереди платье, и присутствующие женщины подпоясывали их платком. Разорванное платье, подпоясанное платком, — знак траура. Так женщина ходила несколько дней, и по этой одежде узнавали, что данная женщина потеряла близкого человека — мужа, сына, брата, дочь⁶. Я уже в свое время отмечала⁷, что Н. А. Кисляков⁸ ошибочно отнес этот ритуальный танец только к поминкам. Дело в том, что, во-первых, он входит в цикл проходов на «тот свет» и называется, как и поминки, одним и тем же термином «маърака», а во-вторых, в Язгулеме этот ритуальный танец исполняли и после погребения. Танец начинался ночью, наступившей после смерти человека, и продолжался и после его погребения в следующие две ночи — естественно, с перерывами для отдыха. В Язгулеме и я, и Н. А. Кисляков наблюдали танец женщин — жены или матери умершего, а М. С. Андреев описывает только ритуальный танец вдовы. Он отмечает, что смотреть на этот танец собирался весь кишлак — и женщины, и мужчины, и дети, а родственники приходили и из других селений: «Жен-

щина выходила с распущенными волосами и с разорванной рубашкой на груди. Ее две искусственные косы, привязывавшиеся в нормальное время к ее естественным волосам как продолжение последних, на этот раз обтягивали ее талию вокруг пояса. Танец происходил под звуки небольшого оркестра»⁹. М. С. Андреев отмечает употребление перечисленных мной выше инструментов и пишет, что во время исполнения ритуального танца женщина ритмично передвигала ноги и выбрасывала обе руки то вправо, то влево, как это делают танцоры¹⁰.

М. С. Андреев считает этот танец при оплакивании дому-сульманским, языческим обычаем и отмечает, что, «по словам стариков, когда-то такой танец оплакивания вдовой смерти своего мужа в течение трех ночей существовал и в Ванче, но муллам удалось в конце-концов его искоренить. Ванч, между прочим, тоже имевший лет 200 назад собственный язык, также исповедывал исмаилизм, вытесненный суннизмом»¹¹. Анализ моих полевых материалов по различным этнографическим аспектам духовной культуры вообще позволяет считать, что исмаилизм более терпим к пережиткам древних верований, чем суннизм¹². Это положение подтверждается и мнением М. С. Андреева: «Распространившийся суннизм отнесся гораздо нетерпимее к остаткам старых обычаев, чем прежний исмаилизм, не придавший, в лице ишанов, большого значения этим примитивным формам, остаткам прежних верований»¹³.

О танцах как элементе похоронного обряда рушанцев и бартангцев есть упоминание в архивных материалах И. И. Зарубина¹⁴. Новые сведения¹⁵, полученные мной, значительно дополняют представление об этом архаичном ритуале, в котором проявлялась публичная демонстрация горя женщины, потерявшей близкого человека, что свидетельствует об общественном характере этого ритуального действия. По сообщению И. Рахимова, в Язгулеме этот обрядовый танец могли исполнять и днем и не только женщины, но и мужчины, однако в возрасте лишь от 35 до 50 лет. Считалось, что человек моложе 35 лет не может в танце передать свою скорбь.

В знак траура женщины надевали старые платья темного цвета, разрывали подол платья и подпоясывались, расплетали косы и распускали в беспорядке волосы. Три дня женщины не должны были причесываться, брать гребень в руки. Выражая скорбь, они царапали себе лицо, чернили его сажей. Мужчины надевали одежду наизнанку, не подпоясывались, тюбетейку выворачивали наизнанку. Во время оплакивания часто и мужчины, и женщины входили в экстаз. Танцевали обычно один или три человека. Танцевать парой («джуфт») было запрещено. Танцующих должно было быть обязательно нечетное число. Женщины могли петь также только трио («сегона»).

И. Рахимов к инструментам, на которых аккомпанировали певцам и танцорам, добавляет и флейту («най»). Во время этого скорбного танца, крутясь на одном месте, больше всего делали

движения руками: подносили их к сердцу и разводили в стороны на уровне туловища. Своими движениями в обрядовом танце танцевавшие следовали не ритму музыки и пения, а «ритму своей сердечной скорби», и именно этим ритуальный танец при оплакивании отличался от обычного танца во время веселья. По моим наблюдениям более чем 30-летней давности, у рушанцев, бартагцев, да и в Язгулеме, танцевали под музыку ритмично. Возможно, что в настоящее время нарушение единого ритма танца и музыки свидетельствует о далеко зашедшей в Язгулеме деградации этого архаичного ритуального действия. В Язгулеме такой ритуальный танец исполняли не только по умершим сыну, дочери, мужу, но и по брату, сестре, отцу, матери, двоюродным братьям и сестрам, дядям и тетям. Пение скорбных песен во время оплакивания очень распространено в Язгулеме, особенно песня «Ра-рав ба чхкак» («Иди-иди в последний дом»).

В долине Бартагга, по сведениям Н. Шакармамедова, этот ритуальный танец, называемый, как и в Рушане, «паямоль», танцевали только женщины, если умер человек в возрасте не меньше 18 лет. Танцующие женщины пели скорбные песни, а если знали, то и стихи (четверостишия из классической персидско-таджикской литературы). Выражая свои скорбные чувства, пели и другие присутствовавшие женщины. И пение, и танцы сопровождали игрой на бубне (женщины) и на струнных инструментах — рубаве, сеторе (мужчины). Ритуальное оплакивание с пением, танцами, игрой на музыкальных инструментах начиналось здесь сразу после того, как обмытого покойника укладывали на погребальные носилки «мардвон», «шатак». Ритуальные танцы под музыку и пение исполнялись после обмывания покойника днем и только в первую ночь после смерти (до погребения). Начинали танец женщины, умевшие ярко выражать свое горе, потом к ним присоединялись еще две-три женщины. Похоронную процессию от дома умершего до кладбища, т. е. до места чтения заупокойной молитвы («джаноза»), сопровождали женщины, выражавшие свою скорбь пением и танцем, а затем возвращались в кишлак. По сообщению Д. Карамшоева, ритуальный танец более всего был распространен в Рушане. Его исполняли женщины при оплакивании отца, матери, сестры, брата, мужа, сына, дочери. Оплакивать было принято умерших в возрасте от 10 до 60 лет. В случае смерти старика говорили: «Винд сур» («Его пиршество (пир)»). По народному объяснению, обрядовый танец, пение и музыка в похоронном обряде не случайны. По преданию, в древности в тот момент, когда рождался ребенок, его оплакивали, потому что, хочешь — не хочешь, он (в свое время) все равно умрет, а когда человек умирал, то танцевали, читали стихи и т. п.

Н. Н. Велецкая, анализируя средневековые письменные источники и материалы XIX—XX вв., приходит к заключению, что «ритуальное веселье возле покойников составляет типологическое явление языческой погребальной обрядности»¹⁶.

Ритуальный танец исполнялся женщинами под аккомпанемент рубаба, сетора, на которых играли близкие родственники (если они умели), кто-либо из односельчан или народных музыкантов (они же певцы). Женщина выходила танцевать в трауре — одежде темного цвета (если таковой не находилось, то надевали старое платье), подпоясанная, с непокрытой головой, с распущенными волосами. В знак глубокой скорби она стремилась исцарапать себе лицо и отрезать свою левую косу, а собравшиеся старались удержать ее от этого, успокаивали. Танцую, женщина плавно кружилась и, если знала, пела скорбные стихи-четверостишия («даргилик») на рушанском языке или рубои на бадахшанском говоре таджикского языка («форси», вслух вспоминала дорогие черты умершего. Если умер сын, то мать его, танцую, восклицала: «Сухта ту мод!» («Отчаявшаяся твоя мама!»). Сестра умершего, танцую, пела скорбные стихи и после каждого четверостишия восклицала: «Сухта ту йах!» («Отчаявшаяся твоя сестра!»), часто повторяла имя брата. Зимой ритуальный танец совершали в доме, в теплое время года — перед домом, во дворе. Если погребальные носилки с телом покойного устанавливали на площадке перед домом, то танцевали вокруг них. Родственники со своими женами выходили на площадку и, шагая, громко оплакивали покойного, а женщины, танцую, кружились, плача, восклицали «Вой!», пели скорбные четверостишия на «форси». Вместе с близкими родными одновременно выходили танцевать и другие родственники умершего.

В Рушане поющие и танцующие под музыку женщины сопровождали похоронную процессию от дома умершего до его могилы. Перед чтением заупокойной молитвы они покидали кладбище.

В отличие от Язгулема, в Рушане, по обыкновению на второй и третий день после похорои, собравшиеся в доме покойного только пели скорбные песни, стихи и песни религиозного содержания. Лишь в случае, если на второй или третий день после погребения приезжали родственники из отдаленных кишлаков, опоздавшие на похороны, прибывшие женщины, оплакивая умершего, исполняли ритуальный танец без музыкального и песенного сопровождения. К ним, по обычаю, присоединялись и близкие родные покойного.

Танец при оплакивании, как отмечено выше, несомненно представляет собой пережиток древних, домусульманских верований, как и пение, и игра на музыкальных инструментах.

У других групп памирских таджиков — ваханцев, ишканимцев, шугнанцев долины Гунта и Шахдары этого танца оплакивания нет, но по имеющимся у меня сведениям в некоторых кишлаках шугнанцев долины Пянджа, прилегающих к Рушану, он ранее существовал¹⁷. Об этом также упоминают З. Юсифбекова и Л. Бахтаваршоева. З. Юсифбекова в 1979 г. отметила, что в Шугнани в прошлом бывал похоронный танец («пайамал») ¹⁸. По сообщению Л. Бахтаваршоевой, в Шугнани, в верховьях Гунта и в Хоробе (Припанджский Шугнан), этот ритуальный танец

называется «чархед» («кружение») и исполняется женщинами без песенного и музыкального аккомпанемента: «Женщина проходит только круг, делая ритмичные движения, сопровождаемые ударами в ладоши»¹⁹.

В прошлом этот обрядовый танец бытовал у памирских таджиков — ванчцев, язгулямцев, рушанцев, бартангцев, шугнанцев (в долине Пянджа). За пределами Западного Памира подобный архаичный ритуал — траурный танец — бытовал в конце XIX в. у кафиров («неверных», «язычников») — «сиях-пушей» — в Афганистане (в «Нуристане») ²⁰. Как отмечает Бидделф, у сиях-пушей, «когда кто-либо умирал, то до погребения тело его носят процессией несколько дней сряду вокруг деревни и участники танцуют вокруг него»²¹. Это свидетельство Бидделфа интересно в связи с высказанным Н. И. Вавиловым мнением об этнической близости памирских (шугнанцев, рушанцев и других) и бадахшанских таджиков с кафирами²². Отметим и близость их языков. Они входят, как отмечает Д. Эдельман, в юго-восточную группу иранских языков, а языки кафиров (нуристанцев) занимают промежуточное положение между иранской и индийской языковыми группами²³. Д. Эдельман также указывает на связь памирских языков с дардскими (в которые входят как подгруппа кафирские языки). Р. В. Шоу считал, что памирские и дардские языки долгое время были изолированы от других языков и тесно связаны друг с другом, что обусловило их параллельное развитие²⁴. Кафиры только в самом конце XIX в. были обращены в ислам, так что во время знакомства с ними Бидделфа они еще были язычниками.

У кафиров и в наши дни продолжает сохраняться древний пережиток — описанный выше танец как элемент похоронного обряда²⁵. Следует в свете вышеизложенного отметить бытование такого ритуального танца и у дардов-калашей долины Бумборет (Западный Читрал, сопредельный с Восточным Нуристаном): женщины оплакивают умершего с распущенными волосами, а мужчины, славя его, танцуют вокруг покойного то медленно, под протяжное пение женщин, то в быстром темпе, под удары в бубен (барабан)²⁶. К. Йеттмар отмечает, что калашаи, оплакивая женщину, только поют, а оплакивая мужчину, еще и танцуют²⁷.

О широком бытовании в прошлом этого обрядового танца свидетельствуют его пережитки, отмеченные исследователями у горных таджиков в Ягнобе и Дарвазе. М. А. Хамиджанова, характеризуя архаичные домусульманские пережитки в похоронном обряде ягнобцев, отмечает «траурный танец» самых близких родственниц покойного — матери, сестры, бабушки, тетки, который они исполняли по умершему молодому человеку²⁸. Это свидетельство очень интересно потому, что ягнобцы, как и памирские таджики, по языку относятся к восточным иранцам; ритуальный танец при оплакивании молодых людей в Ягнобе имеет определенные аналогии с памирским: выражая свою скорбь, женщины рас-

пускали волосы, иногда царапали в кровь лицо и чернили его сажей; по глубоким старикам танец оплакивания не исполняли, считая смерть и похороны их «праздником»; в Ягнобе, как и в Язгулеме, мужчины, принимавшие участие в этом ритуале, надевали одежду и тибетейку наизнанку.

В кишлаках Нижнего Дарваза²⁹ ритуальный танец совершают не только родственницы покойного, но и приглашенные плакальщицы и мужчины, родные и близкие. Пока покойного обмывают и обряжают, все танцуют вокруг пустых похоронных носилок; в кишлаке Егид (где верующие — мусульмане-исмаилиты) танцуют под аккомпанемент рубоба. Ритуальный танец в этом кишлаке, как и у памирских таджиков, совершают и заочно, если человек умер и похоронен в отдаленной местности.

На основании изложенного материала можно прийти к заключению о большей сохранности этого архаичного ритуального танца у народностей труднодоступных в прошлом высокогорных долин Западного Памира (особенно Язгулема и Бартанга), Гиндукуша (где живут кафиры, калашаи), Зеравшана (долина Ягноба), обращенных в ислам значительно позже, по сравнению с населением предгорных и равнинных областей Средней Азии. Наблюдаемые в похоронной обрядности таджиков, узбеков, самаркандских арабов радения «садыр», «садр», по-видимому, генетически связаны с этим танцем³⁰.

Несомненно, что этот танец уходит своими корнями в глубокую древность, являясь пережитком языческих, домусульманских верований. Следует отметить, что распущенные волосы у женщин, царапанье ими лица и чернение его сажей, разрывание одежд, обрезание кос — все это языческие обычаи. Отражая «мировоззрение язычников — двойственность восприятия покойника: почитание, стремление, ублажив почестями, заручиться покровительством в будущем, ужас перед его вредоносной силой»³¹, ритуальный танец, как я уже отмечала, выполняет функцию публичной демонстрации горя при потере близкого человека, связанную с культом предков, стремлением показать умершему свою любовь к нему. Танец исполняется в траурной одежде, в песенном и музыкальном сопровождении. По поверью, от вредоносной силы умершего близких должны спасти определенные действия, которые, по моему мнению, являются элементами оградительной магии: надевание вывороченных наизнанку одежд в Ягнобе и Язгулеме, запрещение выходить танцевать парой, обязательное нечетное число участников ритуального танца и сам обычай многолюдности на похоронах и стремление не оставлять членов семьи умершего одних в два последующих за погребением дня.

О трансформации на протяжении многих веков обряда проводов на «тот свет» у памирских таджиков и таджиков других местностей Таджикистана, многих народов Азии, Африки, Европы, в том числе балтийских славян и украинцев, свидетельствует фольклор этих народов³². Основная сущность древнего ритуала «проводов на тот свет» заключалась, по-видимому, в уда-

лении на родину (прародину) при признаках приближения старости³³. Реликтом этого древнего обычая, возможно, следует считать и исполнение в современном похоронном обряде в отдельных местностях Памира, в частности, в Язгулеме и в Ванче, в день похорон вместо «фалак» (буквально: судьба, рок) — «талкин» (буквально: наставление). Талкин пели один или два певца, шедшие по обычаю впереди носилок с покойным. Пели они всю дорогу — от дома до могилы³⁴.

Танец, как и соответствующие песни и игра на музыкальных инструментах — компоненты похоронного обряда. К сожалению, в цитированных выше работах этот ритуальный танец не анализируется. Сводить его только к оплакиванию, как это делает М. С. Андреев, на мой взгляд, неправомерно. Этот реликт когда-то очень пышного языческого обряда надо рассматривать с сопутствующими ритуальному танцу пережитками других ритуальных действий обряда проводов на «тот свет». Сами язгулемцы мне объяснили, что он совершается с целью отогнать злых духов от покойника. Рушанцы, как было сказано выше, давали другое объяснение. В действительности мы имеем дело с трансформацией древнего языческого ритуала проводов покойного на «тот свет», элементом которого было и ритуальное веселье, что имеет аналогии с подобными рудиментами у карпатских горцев, сербов, хорватов и других европейских народов, обстоятельный анализ которых дан Н. Н. Велецкой³⁵. Таким образом, архаичное ритуальное действие похоронного обряда памирских таджиков (язгулемцев, рушанцев, бартангцев) — ритуальный танец — следует считать пережитком позднего язычества, одним из важнейших компонентов языческой, домусульманской погребальной обрядности.

Социалистические преобразования в жизни памирских таджиков, обусловившие рост атеизма, способствовали изживанию многих древних верований и религиозных пережитков, в том числе и ритуального танца при оплакивании умершего, который в настоящее время исполняется лишь в отдельных семьях верующих.

¹ Андреев М. С., Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. — Сб. МАЭ, 1911, вып. 9; Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Сталинабад. 1953, вып. 1; 1958, вып. 2; Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908; Моногарова Л. Ф. Преобразования Горцы верховьев Пянджа. М., 1972; Она же. Эволюция быта и культуры припамирских народностей. — В кн.: Этноческие процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980; Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Ваханстана. М., 1975.
² Пахалина Т. Н. Памирские языки. М., 1969; Она же. Сравнительный обзор памирских языков. — В кн.: Страны и народы Востока. М., 1975, вып. 16.
³ Бобринский А. А. Секта исмаилия в русских и бухарских пределах Средней Азии. — ЭО, 1902, № 2, кн. 1, с. 2—21; Снесарев А. Е. Религия и обычаи горцев Западного Памира. — Туркест. ведомости. 1904, № 91, 92; Семенов А. А. Носири-Хосров о мире духовном и материальном. — В кн.: Сборник Туркестанского восточного института: В честь

проф. А. Э. Шмидта. Ташкент, 1923; Додихудоев Х. Очерки философии исмаилизма. Душанбе, 1976.

⁴ Извлечение из отчета генерального штаба капитана Ванновского о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе в 1893 г. — В кн.: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1894, вып. 56, с. 90—91.
⁵ Андреев М. С. К характеристике древних таджикских семейных отношений. — Изв. Тадж. фил. АН СССР, 1949, № 15. История и этнография, с. 5—7; Караматов Ф., Нурджанов Н. Музыкальное искусство Памира. М., 1978, с. 13, 17, 18. В 1960—1970-х годах в Язгулеме, Рушане и Бартанге они наблюдали танцы, записали песни и музыку, исполнявшиеся при этом. Авторы отмечают, что исполнение жанра «фалак» («судьба», «рок») завершалось заключительной частью — «ситовуш» (от «ситонш» — «хвала», «прославление»). Часто это были произведения Хафиза, Саади, но нередко исполнялись произведения и безымянных народных поэтов.
⁶ Моногарова Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. — СЭС, 1959, т. 2, с. 82.
⁷ Моногарова Л. Ф. Материалы... с. 82.
⁸ Кисляков Н. А. Язгулемцы. — Изв. ВГО, 1948, т. 80, вып. 4, с. 370.
⁹ Андреев М. С. К характеристике... с. 4.
¹⁰ Андреев М. С. К характеристике... с. 6.
¹¹ Андреев М. С. К характеристике... с. 7.
¹² Моногарова Л. Ф. Преобразования... с. 33.
¹³ Андреев М. С. К характеристике... с. 6—7.
¹⁴ Личный фонд И. И. Зарубина. — Арх. востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, № 141, оп. 1, д. 240, л. 114.
¹⁵ Приношу глубокую благодарность за новые сведения по ритуальному танцу Д. Караматову (по сел. Баджу и прилегающим к нему кишлакам Рушана и Шугнана), И. Рахимову (по долине Язгулема), Н. Шакармамедову (по долине Бартанга, кишлаку Синондж).
¹⁶ Велецкая Н. Н. О некоторых ритуальных явлениях языческой погребальной обрядности. — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов: VI Международный съезд славистов. Прага, 1968. М., 1968, с. 202.
¹⁷ Сообщение информатора Зомуратмо Муллоева (сельсовет Поршнево, кишлак Миденшор Шугнано-р-на ГБАО, 20 октября 1964 г.), а также личные наблюдения автора там же в октябре 1965 г.
¹⁸ Юсуфбекова З. Некоторые особенности шугнанских погребальных обрядов. — В кн.: Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений, Август 1979 г. Л., 1979, с. 11.
¹⁹ Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1976, вып. 3, с. 182.
²⁰ После завоевания в 1896 г. Кафиристана эмиром Афганистана Абдурахманом «неверные», «кафиры» были обращены насильно в ислам и их стали называть «нуристанцы», а их страну — «Нуристан» — «страна света».
²¹ Бидделф. Народы, населяющие Гиндукуш. Ашхабад, 1886, с. 76; Робертсон Дж. С. Кафиры Гиндукуша. Ташкент, 1906, с. 180, 181.
²² Вавилов Н. И., Букин Д. Д. Земледельческий Афганистан. — В кн.: Вавилов Н. И. Избр. тр.: в 5-ти т. М., 1959, т. 1, с. 138, 139.
²³ Эдельман Д. Дардские языки. М., 1965, с. 7.
²⁴ Shaw R. B. On the Ghalchah languages: Wakhi and Saricoli. — J. of the Asiatic Soc. of Bengal, 1896, vol. 45, N 11, p. 1, 147.
²⁵ Грюнберг А. Л. Нуристан: Этнографические и лингвистические заметки. — В кн.: Страны и народы Востока. М., 1971, вып. 10, с. 272; Jettmar K. Die Religionen des Hindukusch. — In: Die Religionen der Menschheit. Stuttgart etc., 1975, Bd. 4, 1, S. 134, 135.
²⁶ Eine Dokumentation des Instituts für Auslandsbeziehungen und des Linden-Museum. Stuttgart, 1972, S. 90.
²⁷ Jettmar K. Die Religionen... S. 375, 376; 406 — Abb. 21 [оплакивание своего сородича]; 407 — Abb. 22 [оплакивание соседа].

- ²⁸ Хамиджанова М. А. Пережитки архаических похоронных обрядов у таджиков долины Зеравшана. — В кн.: Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг. Ереван, 1978, с. 179.
- ²⁹ Нурджанов Н. Отчет о работе во время Гармской этнографической экспедиции в 1954 г. — Изв. Отд-ния обществ. наук АН ТаджССР, 1956, вып. 10, 11, с. 50—52; Рахимов М. Некоторые результаты Гармской этнографической экспедиции 1954 г. — Там же, с. 60—70; Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1976, вып. 3, с. 125—126.
- ³⁰ О таких радениях с танцами упоминают: *Наливкин В., Наливкина М.* Очерк быта оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, с. 2, 234; *Лыкошин Н. С.* «Хороший тон» на Востоке. Пг., 1915, с. 107, 108; *Снесарев Г. П.* Реликты домусльманских верований у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 155. О похоронных танцах в Ура-Тюбе см.: *Рахимов М.* Обычай и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области. — Изв. Отд-ния обществ. наук АН ТаджССР, 1953, вып. 10, с. 114. О «танцах» на похоронах юношей и девушек, умерших в юном возрасте и не состоящих в браке, у таджиков в Бухаре и среднеазиатских евреев см.: *Калонгаров Я. И.* Среднеазиатские евреи. — В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. М.; Л., 1963, т. 2, с. 627. О. А. Сухарева отмечает, что арабы в Бухаре при оплакивании покойника, при радении бьют в бубен, предварительно вымазанный сажей. См.: *Сухарева О. А.* Бухара, XIX—начало XX в. М., 1966, с. 151.
- ³¹ *Велецкая Н. Н.* О некоторых ритуальных явлениях..., с. 198.
- ³² *Кисляков Н. А.* О древнем обычае в фольклоре таджиков. — В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1970, с. 71—73, 75—78; *Зеленин Д. К.* Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов. — В кн.: Памяти В. Г. Богораза. М.; Л., 1937, с. 47—78; *Велецкая Н. Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978, с. 43—77.
- ³³ *Велецкая Н. Н.* Языческая символика..., с. 206.
- ³⁴ *Карматов Ф., Нурджанов Н.* Музыкальное искусство..., с. 17.
- ³⁵ *Велецкая Н. Н.* Языческая символика..., с. 144, 145; *Она же.* О некоторых ритуальных явлениях..., с. 207—211.

Р. Я. РАССУДОВА

*

К ИСТОРИИ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ ФЕРГАНЫ И ТАШКЕНТА (XIX—начало XX в.)

Основной задачей Ферганско-Ташкентского отряда Среднеазиатской этнографической экспедиции в 1976 и 1978 гг. являлся сбор полевых материалов по традиционной одежде оседлого населения Ферганской долины и Ташкентского оазиса в XIX—начале XX в.¹ Большую часть местного оседлого населения в то время составляли сарты и таджики, среди которых выделялась группа ходжа. Она отмечалась почти во всех селениях (за редким исключением, например Бурбалык). Особенно много ходжа было в крупных селениях и городах, где они жили вместе с сартами и таджиками, кипчаками, каракалпаками, арабами, тюрками или другими народами. В конце XIX—начале XX в. в Ферганской долине сартов насчитывалось 1 295 348 человек,

**СОВРЕМЕННОЕ
РАЗВИТИЕ
ЭТНИЧЕСКИХ
ГРУПП
СРЕДНЕЙ АЗИИ
И КАЗАХСТАНА**

**Часть
2**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ
ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

ч. II

Москва 1992

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У РУССКИХ
В ГОРОДАХ ТАДЖИКИСТАНА

Русские, украинцы и белорусы появились в Средней Азии в последней четверти XIX века после завоевания ее Россией. В 1867 году было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, в границы которого вошли земли, захваченные Россией в Казахстане, в Кокандском и Бухарском ханствах. Центром Туркестанского генерал-губернаторства стал город Ташкент. В 1886 г. в Бухаре было создано Российское императорское политическое агентство, наблюдавшее за политической и внутренней жизнью своего вассального феодального владения, в которое и входили Юго-восточная и Центральная территория современного Таджикистана (Восточная Бухара) и Западный Памир.

Переселенцев из России в этих районах в те годы не отмечено. В других местностях Бухарского ханства они были, проживали в крупных центрах по линии железной дороги и по Аму-Дарье; по переписи 1897 г. русских подданных в ханстве насчитывалось 12.150 чел.¹

В сентябре 1924 года У Всебухарский съезд Советов объявил Бухарскую Народную Советскую республику социалистической и вынес решение о национально-территориальном размежевании. 14 октября была образована Таджикская Автономная Советская Социалистическая Республика со столицей в городе Душанбе, входившая в состав Узбекской ССР. Таджикская АССР включала бывшие бекства Восточной Бухары, долину Верхнего Зеравшана, район Ура-Тюбе и Горно-Бадахшанскую автономную область (ГБАО) со столицей в Хороге. В 1929 году Таджикская АССР была преобразована в Таджикскую Советскую Социалистическую Республику, в ко-

торую были включены районы, входившие ранее в состав Узбекской ССР, а именно - Ходжентский округ, состоящий из районов: Ленинабадского, Науского, Аштского, Канибадамского и Исфаринского (с 1991 г. - Республика Таджикистан).

Исследование этнического состава населения в 20-е годы XX века проводилось в сложных условиях гражданской войны, поэтому русское гражданское население было учтено не полностью, а только в некоторых городах, составив 12.000 человек или всего 0,8 % (в сельской местности русские до 1925 года почти не жили²). После национально-государственного размежевания 1924 года и образования Таджикской республики, с началом преобразований в хозяйственной и культурной жизни появилась потребность в специально подготовленных кадрах, которыми Таджикистан в нужном количестве не располагал. От патриархально-феодалных отношений, господствовавших в Восточной Бухаре и на Западном Памире, нужно было совершить переход к индустриальному обществу, что и обусловило приток сюда населения из других местностей СССР.

Таджикистан - многонациональная республика, но коренное население - таджики - составляют подавляющее ее большинство.

Общая численность населения Таджикской ССР по Всесоюзной переписи 1989 г. равна 5.092.603 человек. В национальном отношении народы располагаются следующим образом:

таджики	- 62,3 %	казахи	- 0,22 %
узбеки	- 23,5 %	башкиры	- 0,13 %
русские	- 7,62 %	армяне	- 0,11 %
татары	- 1,41 %	мордва	- 0,10 %
киргизы	- 1,25 %	евреи	
украинцы	- 0,81 %	средне-азиатские	- 0,09 %
немцы	- 0,64 %	азербайджанцы	- 0,07 %
туркмены	- 0,40 %	чуваши	- 0,05 %
корейцы	- 0,26 %		

афганцы	- 0,04 %	белорусы	- 0,14 %
цыгане Средне-азиатские	- 0,04 %	татары крымские	- 0,14 %
евреи европейские	- 0,19 %	лакцы	- 0,03 %
осетины	- 0,15 %	болгары	- 0,02 %

Русские занимают по численности третье место, однако их доля постепенно снижается: по данным переписи 1979 года русских в республике было 395.000 человек (10,4 %); по переписи 1989 года - 7,6 % (точнее 7,62 %). Доля таджиков значительно повышается, в основном за счет естественного прироста: по данным переписи 1979 года таджиков было 2.237.000 человек (59 %), в 1989 году - 62,3 %. Интересно сравнить численность русских в других союзных республиках (см. таблицу № 1).

Численность русских в СССР и союзных республиках (городское население) по данным переписи 1989 г.

СССР и республики	Русские
СССР	113.466.085
РСФСР	91.948.001
УССР	9.943.509
БССР	1.164.421
УзССР	1.567.630
КазССР	4.823.238
ГрузССР	294.475
АзССР	372.501
ЛитССР	309.116
МССР	483.742
ЛатССР	769.525
КирССР	641.049
ТаджССР	364.747

СССР и республики	Русские
АрмССР	43.943
ТуркССР	323.480
ЭССР	436.708

Данные переписи 1989 г. опубликованы в газете "Союз" (еженедельном приложении газеты "Известия"), № 34, август 1990 г., с.7-8.

Как видно из таблицы № 1, меньше всего русских проживает (в убывающем порядке) в Таджикистане, Туркмении, Литве, Грузии и Армении.

Все европейское население Таджикистана (русских, украинцев, белоруссов и других) можно разделить на 4 группы: 1 - единичные и групповые переселенцы, покидавшие родные места из-за малоземелья; 2 - массовые переселенцы, подвергшиеся выселению в связи с раскулачиванием в годы коллективизации и эвакуируемые из центральных районов России во время Великой Отечественной войны"; 3) переселенцы, приехавшие по приглашению на строительство крупных промышленных предприятий в 1960-80-е годы (Нурекская ГЭС, алюминиевый завод в Турсун-заде, Яванский электрохимический завод, машиностроительные предприятия в городах Душанбе, Ленинабаде, Курган-Тюбе, Исфаре и других); 4) особую группу составили выпускники высших и средних специальных учебных заведений, приезжающие по распределению в средние школы, институты и научно-исследовательские центры АН Таджикистана. В этой группе есть лица, приехавшие в начале 1930-х годов, в предвоенные и послевоенные годы.

Только немногие из врачей, преподавателей, строителей и других специалистов, проработав положенное время в

Таджикистане, уезжали, подавляющее же большинство оставались на постоянное место жительства.

Русские, как и переселенцы других национальностей, внесли весомый вклад в развитие экономической и культурной жизни Таджикистана. Большая заслуга принадлежит им в подготовке национальных кадров в области народного образования, науки, экономической и культурной жизни, развития национального профессионального искусства.

Города Таджикистана преимущественно многонациональны, однако только в столице — Душанбе русские преобладали, в остальных городах удельный вес таджиков был и остается значительно больше доли всего остального населения.

С 1970-х годов отмечается тенденция к выезду нерожденного населения и в том числе русских. Так, например, в Душанбе по данным Всесоюзной переписи 1959 г. русских было 48 %, а таджиков — 19 %; в 1970 г. доля русских составляла 42 %, таджиков — 26 %; в 1979 г. численность русских уменьшилась до 39 %, а таджиков увеличилась до 31 %, а по данным переписи 1989 г. русские составляли уже 32,7 %, а таджики 38,2 %.

Интересно, что Нурек — новый город, возникший в связи со строительством Нурекской ГЭС в 1960 году на базе нескольких избежавших затопления кишлаков Нурекской группы, в основном состоял из приехавших специалистов и строителей ГЭС, причем доля русских по данным переписи 1970 года была 66 %, таджиков — 14 %. В 1979 г. русских стало 35,2 %, таджиков — 49,7 %, а среди них по численности в убывающем порядке шли: узбеки, украинцы, татары, осетины, белорусы, немцы, башкиры, мордва.

Перепись 1989 г. свидетельствует, что доля русских уменьшилась до 23,3 %, а доля таджиков увеличилась до 65 %. За русскими в убывающем порядке по уменьшению своей численности идут: узбеки (их было в 1979 г. 1116 чел., а в 1989 г. стало 1735 чел.), украинцы, татары, осетины, немцы, башкиры, белорусы, мордва переписью не

отмечены. Следует обратить особое внимание на то, что в повседневном быту таджики "русскими" называют всех переселенцев-европейцев: украинцев, белоруссов, мордву, молдаван, литовцев, эстонцев, латышей и т.п. Причем у детей чаще всего из мордовских семей при получении паспорта в 16 лет, бывает, возникают конфликтные ситуации. При мне пришла получать впервые паспорт 16-летняя девушка, у которой в свидетельстве о рождении национальность ее отца и матери записана мордвин и мордовка, а девушка в анкете написала, что она "русская". Инспектор паспортного отдела Октябрьского отделения милиции города Душанбе справедливо сделал ей замечание, что она неправильно указала свою национальность, она должна написать, что она "мордовка", ей дали новую анкету. Девушка возмутилась и сказала, что она считает себя русской, с рождения живет в Душанбе, родной язык у нее русский, учится в русской школе, "мордовского" языка не знает, все соседи ее семью считают "русской", в школе соученики и друзья также считают ее "русской". Это свидетельствует о том, что требования паспортного учета не всегда соответствуют национальному самосознанию подростков: по словам сотрудников паспортного отдела милиции такие конфликты при выборе национальности подростком не редки.

Полевые материалы, данные архивов загсов и паспортных отделов милиции дают основание сделать заключение о том, что в Таджикистане у всех живущих там народов однонациональные браки преобладают над национально-смешанными³. Для обоснования сказанного необходимо привести ряд таблиц, характеризующих соотношение однонациональных и национально-смешанных браков у городского населения семи городов Таджикистана, в которых проводились этнографические исследования согласно репрезентативной выборке по проблемам семьи (см. таблицы № 2,3 и 4,5).

Таблица 2 х

Соотношение однопациональных и национально-смешанных браков городского русского населения Таджикистана в 1960 году (в %)

Варианты брака	Ду-шанбе	Ку-ляб	Ура-Тюбе	Орджи-никид-зенгад	Ис-фара	Тур-сун-заде	Хо-рог
Всего заключено браков в городе	3623 100%	362 100%	328 100%	196 100%	191 100%	208 100%	182 100%
из них:							
доля однопациональных	70	82	85	83	73	76	93
национально-смешанных	30	18	15	17	27	24	7
из них:							
доля однопациональных в общем числе заключенных браков							
таджикских	13	63	68	48	31	13	84
узбекских	5	3	4	7	2	25	нет
русских	40	13	10	19	26	20	9
доля браков национально-смешанных у русских (в общем числе заключенных браков):							
муж таджик, жена русская	2	0,6	0,9	1	2	0,5	0,5
муж узбек, жена русская	0,5	нет	0,3	нет	0,5	0,5	нет
муж русский, жена таджичка	0,3	нет	нет	нет	0,5	нет	1,1
муж русский, жена узбечка (такой вариант брака не встретился)							

х) Таблица составлена по данным городских ЗАГСов.

Таблица 3 х

Соотношение однопациональных и национально-смешанных браков городского русского населения Таджикистана в 1979 году (в %)

Варианты брака	Ду-шанбе	Ку-ляб	Ура-Тюбе	Орджи-никид-зе	Ис-фара	Тур-сун-заде	Хо-рог
Всего заключено браков в городе	4833 100%	433 100%	400 100%	358 100%	248 100%	262 100%	158 100%
из них:							
доля однопациональных	67	86	84	72	85	61	99
национально-смешанных	33	14	16	28	15	39	1
доля однопациональных в общем числе заключенных браков:							
таджикских	18	74	75	35	65	9,9	96
узбекских	7	3	3	8	0,8	19	нет
русских	31	7	5	25	14	23	2
доля браков национально-смешанных у русских (в общем числе заключенных браков):							
муж таджик, жена русская	2	1	0,3	3	2	1	нет
муж узбек, жена русская	0,7	нет	1	1	0,8	1	нет
муж русский, жена таджичка	0,5	0,7	1	0,8	0,8	0,4	нет

х) Таблица составлена по данным городских ЗАГСов

Таблица 4^x

Соотношение однонациональных браков и межнациональных в зависимости от возраста у русского городского населения (по данным 1988 г.)

	Всего мужчин, вступивших в брак	в том числе с женой той же национальности	всего женщин, вступивших в брак	в том числе с мужем той же национальности
Все население	3346	2482	3594	2482
в том числе:				
моложе 20	130	101	868	603
20-24	1417	1059	1178	842
25-29	758	558	543	367
30-34	334	229	290	196
35-39	224	165	233	146
40-44	112	82	118	77
45-49	111	85	114	71
50-54	89	67	92	69
старше 55	170	136	157	110
Возраст не указан	1	-	1	1

х) Сб. Таджикская ССР. М., 1988. С.305.

Эта таблица свидетельствует о преобладании у русского городского населения однонациональных браков и показывает, что значительно больше русских женщин, чем мужчин, вступает в брак моложе 20 лет. Наибольшее число браков заключается и мужчинами, и женщинами в возрасте 20-24 и 25-29 лет. Число женщин несколько превышает число мужчин,

вступивших в межнациональный брак. У таджиков, наоборот, женщин, вступивших в межнациональный брак, меньше, чем мужчин: из 7821 мужчин в однонациональный брак вступило 6884,6, а из 7609 женщин только 6884 таджички⁴.

Таблица 5^x

Соотношение однонациональных и национально-смешанных браков русских с таджиками и узбеками в г.Нуреке (в абсолютных числах)

Год	Число заключенных браков в Нуреке	Вариант брака			
		однац. русских	муж рус. жена тадж.	муж тадж. жена рус.	муж узб. жена рус.
1980	221 из них:	60	1	9	4
1985	199 из них:	65	4	3	1
1989	190 из них:	39	1	10	1

Варианта брака муж русский, жена узбечка не оказалось.

х) Таблица составлена по материалам ЗАГСа г.Нурека

Данные приведенных таблиц свидетельствуют об эндогамности русских в городах Таджикистана. Национально-смешанные браки у русских составляют чрезвычайно малую долю.

Полевые материалы и сведения паспортных отделов милиции городов, где проводились этнографические исследования, дают основание прийти к заключению о том, что подростки из национально-смешанных семей, в которых один из супругов русский (чаще жена), а другой - таджик или узбек (наибольшие по численности в городах Таджикистана) во время полу-

чения в 16 лет паспорта выбирают в подавляющем большинстве случаев соответственно таджикскую или узбекскую национальность. Это дает дополнительное увеличение численности таджиков и узбеков.

При варианте брака "отец таджик, мать русская" национальность "таджик" ("таджичка") выбрали (при получении паспорта):

в Душанбе	87 %	подростков
в Кулябе	81 %	" "
в Ура-Тюбе	74 %	" "
в Орджоникидзе- абаде	90 %	" "
в Исфаре	81 %	" "
в Турсун-заде	99 %	" "
в Хорого	99 %	" "

Русскую национальность выбрали:

в Душанбе	13 %	подростков
в Кулябе	19 %	" "
в Ура-Тюбе	26 %	" "
в Орджоникидзе- абаде	10 %	подростков
в Исфаре	19 %	" "
в Турсун-заде	1 %	" "
в Хорого	1 %	" "

Таким образом статистические материалы паспортных отделов городских отделений милиции подтверждают устойчивость таджикского этноса, прямую зависимость становления этнонационального самосознания подростков от пестроты (мозаичности) населения города, обучения в школе (с русским, таджикским или узбекским языком), что в значительной степени определяет и круг их общения.

Например, при работе в г.Ура-Тюбе в паспортном отделе милиции мною в картотеке были обнаружены две анкеты (форма I), заполненные при получении паспорта подростком

из национально-смешанной семьи, в которой отец таджик, а мать узбечка. Подросток выбрал национальность матери. Заполнявшая вторую анкету девочка-подросток, проживающая в национально-смешанной семье, где отец узбек, а мать русская, выбрала национальность "узбечка". В других анкетах при варианте брака отец таджик, мать узбечка и наоборот, отец узбек, мать таджичка, подростки из школы имени С.Айни выбирали в большинстве случаев узбекскую национальность. Объясняется это тем, что данная школа расположена в микрорайоне, где проживает большинство узбеков и обучение в ней ведется на узбекском языке.

Общеизвестно, что в городах Северного Таджикистана население, как правило, двуязычно и на бытовом уровне таджики и узбеки общаются на таджикском и узбекском языке.

Для формирования этнонационального самосознания, выражаемого в самоназвании подростка из межнациональной семьи, важным фактором является развод родителей. Многое зависит от того, как складываются отношения с родителем, ушедшим из семьи (чаще отцом) и его родственниками. Если у ребенка не прекращается связь с отцом, он бывает в новой семье отца (если такая возникает), общается с родственниками отца, получает подарки и материальную помощь в случае необходимости (помимо алиментов), то в варианте брака родителей, когда отец таджик (или узбек), а мать русская (украинка, немка и т.п.), ребенок обычно, имея имя и фамилию таджикские (узбекские), владея таджикским (узбекским) языком, выбирает при получении паспорта национальность отца. Если связи порваны и ребенок не общается с отцом и его родственниками, воспитывается в русской среде, то и выбирает национальность матери.

Бывает, что при разводе таджика с русской матерью забрав ребенка, уезжает из Таджикистана в другой город или республику. И все равно, упомянутые факторы оказывают действие на ребенка. Так, студентке мединститута в Душанбе

было пять лет, когда родители разошлись, но оба очень любили дочь и договорились, что летние каникулы она обязательно будет проводить в семье отца. Мать с девочкой уехала к своим родным в Москву, где жила до брака. И даже когда через пару лет отец женился, девочка все летние каникулы проводила в его семье, часто у родных в горном кишлаке. Она дружна с младшим братом и сестрами, они ее уважают и слушают как старшую. Общаясь с отцом и родственниками, она хорошо выучила таджикский язык. Паспорт девочка получала в Москве, но выбрала национальность отца из-за большого к нему уважения. По ее словам, ей близки обычаи таджиков, она привыкла к таджикскому этикету, умеет готовить национальные блюда, с детства привыкла носить таджикские платья, а в кишлаке и шаровары. Внешне она смуглая бронетка, с карими глазами, очень похожа на таджичку. Осознает себя как русской, так и таджичкой.

Обычно, как свидетельствуют полевые материалы и данные городских ЗАГСов, дети от межэтнических браков (маргиналы) вступают в брак между собой, потому что социально-психологическая установка у окружения на национально-смешанные семьи негативна, особенно у лиц пожилого возраста семейно-родственной группы, к которой принадлежит супруг (таджик или узбек), а также и у пожилой части общности квартала (гузара, махалла), где проживает межнациональная семья. Такие семьи более эгалитарны, в их семейно-бытовой сфере больше не традиционных, общесоветских и региональных элементов культуры. Отношение к русской женщине (как и другой европейской национальности) определяется с точки зрения традиционных стереотипов поведения женщин и мужчин, характерных для таджикской культуры, специфики морально-этических норм, характера интимных отношений между супругами-таджиками (узбеками), имеющих устойчивое бытование.

В национально-смешанных семьях, как и в среде таджикской интеллигенции, обычно планируется число детей,

что входит в противоречие с традиционными установками на многодетность.

Поэтому общение юношей и девушек из таких семей гораздо легче, и довольно часто при анализе национально-смешанных браков выясняется, что невеста и жених – маргиналы. Например, таджик вступает в брак с русской, и при рассмотрении национальности их родителей выясняется, что отцы у них – таджики, а матери – русские. При получении паспорта юноша взял национальность по отцу, таджикскую, а невеста – национальность своей матери, русскую. Особенно часто это выявляется при браке русского с таджичкой.

В таджикско-русских семьях детей обычно отдают в школу с русским языком обучения, которые есть даже в небольших городах, считая, что овладение русским открывает большие возможности для получения дальнейшего образования. И действительно, в полных межнациональных семьях дети, общаясь с родными отцами, с товарищами-таджиками в дошкольном возрасте уже овладевают таджикским, закрепляя его изучением как предмета в школе. Но в крупных городах, таких как Душанбе и Ходжент, где проживает много русских и других русскоязычных, русская жена таджичка не испытывает необходимости овладения таджикским языком. Из Душанбе и Ходжента супруг-таджик старается отправить детей в кишлак к родственникам (а у большинства они есть), чтобы они овладели языком, он старается разговаривать с ними по-таджикски дома. В таких семьях намного больше традиционных предметов и утвари, посуды, чем в чисто однопациональных русских семьях. В последних много традиционной посуды: пиалы для чая, большие блюда для плова, обязательно котел для плова, часто настенные вышивки (сюзани), паласы на полу. Русские заимствовали многое из традиционной таджикской кухни: плов, шурбо (мясной суп), национальные виды кислого молока и сыра, особенно хлеба. Таджикские лепешки покупают на ба-

заре или в специальной пекарне (лепешечной), испеченные в традиционной печи. Русские в свою очередь научили таджиков и узбеков готовить борщ, котлеты, квасить капусту, солить огурцы и помидоры, мариновать их, заготавливать впрок овощные консервы и фруктово-ягодные компоты, выпекать торты и т.п.

Русские женщины носят, особенно летом, отрезные на кокетке платья из среднеазиатского шелка или сатина, широко распространенные в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии, а русские мужчины - тубетейки. Таджики в городах, за редким исключением, носят европейского покроя рубашки, брюки, костюмы, пальто, плащи, шапки-ушанки, интеллигенция - шляпы, береты. Работающие женщины имеют в своем гардеробе платья европейского покроя, жакеты, кофты. Юбки и костюмы с юбками надевают преимущественно женщины с высшим образованием, работницы их не носят.

В русских семьях прижился обычай снимать обувь перед входом в жилое помещение, а также обязательно угощать гостей национальными блюдами.

К русским переселенцам первой группы можно отнести семью, глава которой М. является правнуком служившего здесь, в Турткуле, выходца из России. И прадед, и дед, и отец М. хорошо знали узбекский язык. Отец М. учился под г.Ташкентом и по распределению в 1931 г. был послан на работу в Курган-Тюбе. Быстро выучил таджикский, потом работал в Гарме, в Пахтаабаде. Знание языка давало ему возможность завязывать добросоведские отношения с товарищами по работе. Мать М. из Сибири. По распределению в 1932 г. ее послали в Пахтаабад, где она работала зоотехником. Относились к ней с уважением: она одна, молодая, ездила с чабанами, которые заботились о ней и охраняли ее.

Сам М. учился в Ташкенте, окончил Ташкентский политехнический институт. Работает в Турсун-заде, инженер. Имеет хорошую квартиру со всеми удобствами. Все соседи

в доме дружат. Таджики, узбеки и русские всегда приглашают на свои семейные торжества друг друга. Взаимопомощь очень ценится у таджиков и узбеков. Местные русские подерживают эти традиции.

Взаимовлияние в материальной культуре между русскими, таджиками и узбеками происходило, да и теперь происходит в основном в пище. Русские значительно раньше стали перенимать рецепты и навыки приготовления традиционных блюд таджикской и узбекской кухни. Массовое заимствование русских и европейских блюд таджиками и узбеками относится к концу 50-х годов. Русские семьи общаются со своими соседями таджиками и узбеками, взаимно приглашают в гости, при этом свининой никогда не угощают, т.к. уважают местные обычаи, в том числе и религиозные. Старшее поколение коренного населения (60-70 лет и старше) - в большинстве интернационалисты, а вот молодежь - у узбеков и таджиков - более националистична.

Душанбинские межнациональные конфликты 1990 года взбудоражили всю республику и вызвали новую волну отъезжающих в Россию, на Украину и Белоруссию. Первая иммиграция за пределы республики началась после принятия Закона о государственном таджикском языке. Не всегда правильное истолкование "Закона о языке" вызвало у ряда руководящих органов неправомочные действия и, опасаясь за будущее своих детей, русскоязычное население городов, в основном специалисты высшей квалификации, покидают республику. Однако многие не имеют родных вне пределов Таджикистана, давно оборвались связи с родиной, здесь живет уже третье поколение переселенцев, которые считают Таджикистан своей родиной. Все это оборачивается тяжелой трагедией для многих семей.

В определенной степени допущенные правительством ошибки, прямое извращение национальной политики многими таджиками и узбеками воспринимается как продолжение колониальной политики царской России и переносится на рус-

скоязычное население. Отсюда неуверенность этой группы в социальной защите и стремление покинуть пределы Таджикистана. При этом уезжают главным образом специалисты, которых здесь не готовят, чем наносится значительный урон развитию экономики и культуры республики.

Литература

1. Россия. Географическое описание нашего отечества, под общим руководством П.П.Семенова-Тянь-Шанского. Т. XIX. Туркестанский край. СПб., 1913. С. 347.
2. Материалы по районированию Средней Азии. Кн. I. Территория Бухары и Хорезма. Часть I. Бухара. Ташкент, 1926. С. 164.
3. А.В.Козенко, Л.Ф.Моногарова. Статистическое изучение показателей однонациональной и смешанной брачности в Душанбе // Советская этнография, 1971. № 6. С. 113. Графики - с. 114-115.
4. Сб. Таджикская ССР. - М., 1988. С. 303.

УЙГУРЫ И ДУНГАНЕ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Ферганская долина - это самый плотно заселенный регион нашей страны, всегда была и одним из самых многонациональных районов. Переписью 1926 г. здесь было зарегистрировано более 60 национальностей. В настоящее время их насчитывается еще больше. Основную часть коренного населения края составляют узбеки (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. их было в Андижанской, Наманганской и Ферганской областях УзССР 3.396.141 человек¹), таджики (203.158 человек²), киргизы (108.957 человек³). Кроме того, здесь живут русские, татары, евреи, уйгуры, дунгане, арабы, каракалпаки и другие народы.

Уйгуры - коренные жители Восточного Туркестана или Кашгарии (ныне Синьцзян-Уйгурский АО Китая) - составляют заметную по численности группу в Ферганской долине. Переселение большей части уйгуров относится к ХУП и особенно к ХУШ - XIX вв. В результате в середине XIX в. их насчитывалось в этом крае около 300 тысяч человек⁴. Правда, к началу XX в. число их, по официальным данным, не достигало даже 57 тысяч⁵. Такое резкое сокращение численности уйгуров в Ферганской долине можно объяснить и несовершенством сбора статистического материала, и возвращением части переселенцев на родину, и, конечно же, слиянием части их с узбеками.

В начале XX в. число ферганских уйгуров пополнилось за счет новых переселенцев из Кашгарии. Тысячи уйгуров, дунган, китайцев пересекали границу в поисках заработка. А развивающаяся промышленность Ферганы могла обеспечить их работой и относительно высокой оплатой. Так, в 1906 году в Фергану прибыло из Восточного Туркестана 14.689